

под Москвой. Три дня он осаждал город, но новые каменные стены московского Кремля с успехом выдержали осаду. Сотворив много зла, опустошив и разграбив московские пределы, уведя с собой в полон много жителей, Ольгерд ушел во-свояси, «учинив лихо за лихо», как добавляет тверская летопись.¹ В этих словах, встречающихся только в Тверском сборнике и отсутствующих в других летописных сводах, наиболее ярко сказывается тверская политическая тенденция, стремящаяся взвалить всю вину за ужасы литовского нашествия на Москву: если, мол, московская земля и пострадала, то в этом повинен сам московский великий князь, поскольку он был зачинщиком кровопролития и теперь получил заслуженное возмездие — «лихо за лихо».

В то же время литовское разорение произвело огромное впечатление на русское население. Даже Рогожский летописец, более всего сохранивший следы тверского летописания, отмечает, что «преже того толь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, аще и от татар бывало». «От Федорьчуковы до Олгердовы рати лет 41»,² — продолжает Рогожский летописец, как бы подчеркивая, что нашествием Ольгерда закончился период «тишины» в Московском (да и не только в Московском) княжестве, которой население наслаждалось в течение 40 лет. Все это, конечно, не могло привлечь расположение широких слоев населения, и особенно горожан, возглавлявших в XIV веке борьбу за «порядок» и против усобиц, к тому политическому центру, который ориентировался на Литву и впрямь неоднократно призывал литовскую рать на русские земли.

Результатом внезапного нашествия Ольгерда была уступка Михаилу Александровичу захваченного Москвой Городка (спорной части наследства князя Семена Константиновича). Однако эта уступка нисколько не отражала настоящего соотношения сил. В 1370 году Дмитрий Иванович опять объявил войну Михаилу, и последний снова ушел в Литву. Дмитрий вторгся в тверские пределы, взял Зубцов, причем жители его по соглашению были отпущены «куды кому любо» и разорил остальные тверские волости. Михаилу Александровичу на этот раз не удалось получить помощь от Ольгерда. Услышав на чужбине «таку изгибель своєю отчины», он в ноябре 1370 года ушел из Литвы в Орду к Мамаю, «печалую и жалуя, и тамо многы укору изнесе и многы вины изложи, паче же всего въсхотеса ему самому княжения великаго, и многы дары раздав и многы посулы рассулив князем ординским и рядцям, испросил себе посол царев».³

Раздобыв ярлык на великое княжение, Михаил Александрович возвратился на Русь с татарским послом Сарыхожей. Но если еще в начале XIV в. русские князья не особенно склонны были беспрекословно подчиняться ханским повелениям, то теперь, когда Русь еще более окрепла и в лице Москвы приобрела объединяющий политический центр, Дмитрий Иванович вовсе не пожелал считаться с ханским ярлыком и приказал перехватить Михаила Александровича на границе. Его искали по заставам, но, предупрежденный своими московскими доброхотами, Михаил Александрович сумел избежать погони и опять ушел в Литву. На этот раз ему удалось вовлечь Ольгерда в новый поход на Русскую землю. В конце ноября 1370 года Ольгерд подошел к Москве «в силе тяжце», грабя по дороге населенные места, убивая и уводя в плен людей. Кремля.

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 429.

² Рогожский летописец, стлб. 90.

³ Там же, стлб. 93.